

18+

Дженесса Кара

Песнь чёрной розы

*Цветок, словно чёрный агат,
как символ неповторимости
истории этой...*

Дженесса Кара

Песнь чёрной розы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789709

ISBN 9785449805966

Аннотация

Целеустремлённая Меделина, мечтающая стать популярной певицей конца двадцатого века, живёт с родителями в небольшом и криминальном районе города Лос-Анджелеса. Она создаёт песни вместе с лучшим другом Ником, с которым старательно пытается пробиться в музыкальный бизнес. Провал на кастинге в Лос-Анджелесе и разбитое сердце Меделины заставили её улететь в Нью-Йорк за мечтой. Однако авиакатастрофа, в которую она попадает, открывает ей большую тайну о её далёком прошлом...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	27
ГЛАВА 3	49
ГЛАВА 4	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Песнь чёрной розы

Дженесса Кара

© Дженесса Кара, 2020

ISBN 978-5-4498-0596-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Звук должен быть закутан в тишину, звук должен покоиться в тишине, как драгоценный камень в бархатной шкатулке.

Генрих Нейгауз

Все жители небольшого района под названием Хайлэнд парк будто затаились в своих домах и квартирах в солнечный осенний день Лос-Анджелеса. Это было время уюта и спокойствия после шумного и яркого лета. Хотя земля немного увяла, усилились ветра, стали колыхаться деревья, а небо стало ближе, чем обычно. Небольшая часть Хайлэнд парка, та самая молодая, одновременно депрессивная и жизнерадостная половина населения этого района – хипстеры, постоянно болтающиеся с местными жителями, которые любили веселиться и днём, и ночью гуляли в самом центре Хайлэнд парка.

Это один из немногих дней, когда в основном влюблённые пары, лежавшие на траве друг на друге, на коленках, бёдрах, читали друг другу книги, ели мороженое, устраивали пикники и слушали песни. Казалось, разлилась магическая субстанция, которая заставляла людей бродить, тревожиться и влюбляться, объединяясь в небольшие группы в центре самого района. Это было время настоящей романтической

осени с привкусом лёгкой грусти и ностальгии о бурном лете. Осень непременно пробуждала любовь перед сильными ветрами и прохладами зимой. Именно осенние времяпровождения на улице для тех, кто гулял по центру Хайлэнд парка, были незабываемы, пока другие прятались в домах от ветра в уюте и тепле за чашкой лимонного чая.

Неподалёку раздавалась приятная для ушей музыка от самого модного сбора людей возле популярного места, где в середине 1960-х годов жители дебатировали о борьбе с дискриминацией и предварительными гражданскими правами. Эта атмосфера идеально гармонировала с пронзительной, спокойной и завораживающей до души песней под названием «Чужая жизнь» в исполнении молодой, миниатюрной семнадцатилетней девушки, по имени Меделина, поющая в стилях электропоп и инди-поп.

Юная девушка, будто фиалка в марте, усыпанная мельчайшими прозрачными капельками росы, с почти белыми тонкими волосами серого оттенка до груди и овальным, слегка продолговатым лицом с белоснежной, словно молочный селенит, чисто-ухоженной кожей. По её лицу было видно, что она, практически, не пользовалась косметикой. Прямой небольшой нос с закругленным кончиком, пухлые губы, выраженный лоб и подбородок – правильные черты лица, которые подчёркивали её ирландское и итальянское происхождения. Глаза у неё большие светло-голубого цвета, будто море, в глубине которых таится неизъяснимая грусть. Прекрасный

разрез глаз делал её взгляд, как у ребёнка, показывающий правдивость, неподдельность и пленительную очаровательность. Томный взгляд выражал огромную горечь, усталость, депрессивность и глубокую задумчивость.

Однако, когда ей приходилось улыбаться, эта грусть немедленно исчезала и её белоснежные зубы наполняли её прекрасной харизмой и обаятельностью. Её внешность гармонировала с глубоким, нежным, специфическим высоким голосом. Она порой брала высокие ноты. Часто её звучание и глубокий бархатный голос обволакивали слушателя, погружая их в иной, потусторонний, загадочный мир. На ней были модные светлые джинсы большого размера, сильно отвисшие на заду, длинная белая футболка с принтом «*будь счастлив, будь собой, будь креативен*» и красные большие модные кеды.

Получив строгое воспитание и музыкальное образование с детских лет, трудолюбивая и целеустремлённая Меделина прекрасно умела играть на пианино и петь. С самого детства она сильно мечтала стать популярной певицей, выступающей на больших концертах.

Возле неё играл на гитаре привлекательный парень высокого роста, стройного телосложения с правильными чертами лица, тёмно-волнистыми волосами и карими глазами. Его звали Ник. По характеру он был достаточно общительный, порядочный, скромный молодой человек с высокими моральными принципами. Ему было двадцать лет. Его сдер-

жанность, терпеливость и невероятное спокойствие внушительно импонировали Меделине, ведь именно эти качества порой ей больше всего не хватало. Он всегда пытался поддержать свою партнёршу в трудных ситуациях, когда у неё появлялись психологические проблемы. Ник мог узнать Меделину, не видя её лицо, а только слушая звучание её голоса. Настолько у него был тонкий и острый слух, что говорит о его таланте и близко-деловом отношении с его подругой. И он был единственным, кто всегда называл её коротко и шуточно «Мэд».

Дико депрессивный район в будние дни не видел эту пару, поющую для его жителей. И только по выходным Меделина и Ник выходили в центр Хайлэнд парка, чтобы отработать свои навыки пения, подзаработать, увеличивая количество фанатов и подписчиков в социальных платформах. Никто не знал про них ничего, да и никто не желал узнать. Вокруг них собирались максимум от десяти до пятнадцати человек, чтобы снять их на видео или непринуждённо постоять, посмотреть, насладиться песней и атмосферой влюблённых пар. Для Меделины и Ника это стало традицией – петь в центре района Хайлэнд парка каждые выходные.

С окончанием песни последовали аплодисменты двенадцати человек, стоящих вокруг Меделины и Ника. Уличные зрители радостно смотрели на пару. Несколько из слушателей вынули из своих карманов бумажные доллары и положили в кофр для гитары, лежавший неподалёку от Ника. Где-

то издалека были слышны голоса, которые хвалили исполнительницу и яркую молодую пару, спрашивая: «Они встречаются?».

Меделина, мило улыбнувшись, сделала низкий поклон зрителям – и повернулась назад к Нику. В это время её партнёр машинально и крепко обнял свою подругу. Трогательность их объятий уже никто не заметил, так как все уже успели разойтись. Они направились вдвоём в дом Меделины, идя пешком и любуясь красивым осенним пейзажем маленького района Лос-Анджелеса.

– Мы ещё раз отрепетируем вечером обязательно, – твёрдо настояла юная девушка.

– Не надо, Мэд, – заботливо попросил её Ник, – ты подорвёшь свой голос, который мне тоже нужен завтра.

– Завтрашний кастинг должен стать для нас судьбоносным, – слегка подпрыгивая и улыбаясь, сказала Меделина, подбежав ближе к Нику и смотря прямо на его карие глаза. – Мы его ждали целых два года! Ты представляешь, что это будет уже завтра?

– Мэд, твоё переживание передаётся мне! – вскинул он руки драматическим жестом.

– А я не переживаю, – Меделина невольно пожала плечами. – Я говорю, что для нас завтрашний кастинг – это самое важное событие в жизни! – с восторгом почти вскрикнула она. – Нас могут взять в группу или сделать из нас группу... У нас будут миллионы фанатов, мировые туры, бесконеч-

ные концерты, гигантские контракты! Для меня это всё ещё кажется обычной мечтой семнадцатилетней девочки. Мне не верится, что она может сбыться. И то, чем мы занимались годами, может раз и навсегда решиться в один день! А что если что-то произойдёт? Мой нервный тик, например? Тогда всё рухнуло?

– Стоп, – остановил её Ник. – Даже не думай об этом. Ты сможешь пройти на кастинг. Тебя слушает целый район. У тебя красивый голос. Я ни у кого такой голос ещё не слышал. Ты – лучшая. Я в тебя верю, Мэд!

Ник остановился, посмотрев прямо в глаза Меделины, у которой они горели либо искрой радости, либо от предвкушения, что произойдёт дальше. Этот влюблённый взгляд у обоих не мог обмануть их привязанность друг к другу. Ник трепетно коснулся к припухлым губам Меделины, у которой заметно участилось дыхание так, что ей стало неловко прикасаться дольше к губам Ника.

В воздухе витала острая напряжённость. В это мгновение она задержала дыхание, втягивая щёки и чувствуя их жар. Так близко Ник ещё не подходил к Меделине. Им обоим было неловко, ведь они почти с детства были только друзьями, которые не показывали друг к другу чувства. Нику и Меделине было не привычно иметь какие-то другие отношения, кроме как деловых и дружественных. Они больше походили на брата и сестру. Раньше у Ника были возлюбленные, о которых рассказывал Меделине, поэтому она очень хоро-

шо знала его вкусы и не претендовала на роль его новой избранницы, хотя сиюминутными моментами проскальзывали такие мысли. Они бы так не сдружились, если бы он не жил напротив её дома, ведь даже познакомившись впервые в музыкальной школе, они были на разных уроках: он – на уроках гитары, а она – на хоре.

Девушка хотела скрыть своё неловкое волнение и жуткое покраснение на лице от своего приятеля, из-за чего Меделина отвела своё лицо, отвернувшись и машинально сказав: «Ты прав. *Я смогу стать звездой.*»

– Мэд, сегодня нужно с тобой все наши песни вспомнить с нашего альбома, – вдруг напомнил Ник, деликатно кашлянув.

– Да, я помню, – тихо и робко пробормотала она, чувствуя к нему искреннее влечение.

– У тебя сегодня есть уроки пианино с твоей мамой? – спросил он, немного закусив губу.

– Мы с ней договаривались об уроке во время нашей с тобой репетиции, – кивнула Меделина.

– Столько всего за один день! – простонал он. – Наверное, тебе стоит отдохнуть перед завтрашним днём?

– Я предпочитаю больше работать, – с нежной улыбкой ответила девушка. – Это меня вовсе не пугает, а даже больше мотивирует.

Дома их ждала Мэгги Флорес, мама Меделины, которая

хлопотно возилась на кухне. При входе в дом сразу был замечен типичный американский интерьер: пластиковый комодик в разноцветные цветочки, несметное количество деревянных ниш, шкафов, арок и перегородок. Мебель, а именно, небольшие диваны и кресла, располагались по центру комнат. Стены были убраны в многочисленные полки, на которых были расставлены различные сувениры – множество мельчайших декоративных дешёвых предметов. Совершенно отсутствовали стенные перегородки. Хоть дом был полон специфическими декоративными элементами, он изнутри состоял из дешёвых материалов, заменённые натуральными.

Миссис Флорес поприветствовала дочь и Ника с восхитительной, белоснежной улыбкой. Её карие глаза освещали изнутри мягким живым сиянием, теплотой, добротой и искренностью. Морщин было у неё немного, и лицо у неё выглядело очень даже свежим для женщины в пятьдесят лет. Лишь когда она улыбалась глубокие морщины появлялись вокруг тёмных глаз. Её итальянские и английские корни объяснили красоту симметричного и красивого лица. А высокий рост с длинными руками и пальцами со стройными ногами обращали особое внимание. У неё были седовато-чёрные прямые волосы, которые она укладывала в аккуратное каре.

Это была простая женщина с чувствительной и эмоциональной душой. Семья Мэгги эмигрировала из Нидерландов.

дов в её юности в Соединённые Штаты. С тех пор она только преподаёт уроки пианино и играет сама для своей дочери, мечтая сделать из неё настоящую гениальную пианистку. В одежде она была достаточно скромна: предпочитала простые обычные платья в тёмных цветах.

Мэгги приготовила для всей семьи на ужин итальянские спагетти с соусом Сугга и салат капрезе, а на десерт торт на пивном тесте с начинкой из сгущёнки и грецких орехов. Да-да, мама Меделины любила вкусно готовить, и кормить свою семью было ей в удовольствие. Особенно в дни благодарения ей удавалось иногда даже одной приготовить столько всего, что такой еды могло хватить на две недели вперёд!

– Ох уж эти мамы, заботливые и невероятно беспокойные, – раздался весёлый голос отца Меделины, спускающегося со второго этажа.

– Добрый день, мистер Флорес, – почтительно поздоровался Ник. – Рад вас сегодня увидеть!

Отец, держа в одной руке газету «США Сегодня», подправил очки и пожал другой – руку молодому юноше.

Мистер Флорес работал санитаром в местной больнице района Хайлэнд парка. Он был достаточно простым и обычным отцом. Две главные его страсти – работа и его семья. Ростом он высок, а его красивое стройное, но худощавое телосложение и прямой стан вызывали восторг. Однако его высокая залысина на лбу со слегка седыми волосами на кончиках ярко указывала его пожилой возраст. Его тонкие и за-

острѐнные черты лица выражали аристократичность, а его самоконтроль и неординарная эрудиция показывали его безграничный ум, вызывая симпатию и уважение. Карие глаза, полные добротой и простотой, делали его взгляд добродушным, как у самого честного и правильного человека. Прямые и чѐрные волосы Патрика, как и у его супруги, сильно отличали их от дочери, Меделины, которая в детстве часто спрашивала: «В кого у неё такой почти белый цвет волос?»

– Ну, как было сегодня выступление? – поинтересовалась миссис Флорес. – Готовы к завтрашнему кастингу?

– Выступление было, как всегда, блестяще! – улыбаясь во весь рот, ответил Ник.

– Ребятки, вы, должно быть, сильно проголодались, – предположила мама Меделины. – Вам обязательно надо поесть, – настойчиво отметила она.

За столом царила настоящая тишина, и только изредка скрипение вилки или ножа на тарелках было слышно. За ужином стояло напряжение. Вдруг Меделина стала неуместно и странно гримасничать, но никто на это не обращал внимания: Ник и родители привыкли к такому необычному поведению девушки. Она недолго подѐргивала левым глазом вверх, поднимая голову, – и продолжила дальше ужинать.

Когда Меделине было шесть лет, она начала подѐргивать глазом. Родители показывали её врачу, но не было никаких

результатов. Врачи говорили, что это пройдёт, но подёргивание глазом не проходило. Становилось ещё хуже: с восьми лет Меделина стала подскакивать и делать резкие движения... С тех пор родители решили её оставить на домашнем обучении, чтобы изолировать дочь от негативного влияния её сверстников, которые подшучивали и издевались над её неконтролируемыми нервными тиками. Это хорошо сказалось на девочке, потому что она стала больше уделять внимания музыке: Меделина ходила в музыкальную школу, где она впервые встретила Ника, который всечасно поддерживал её, хотя сам страдал азотемией, из-за чего часто лежал в больнице в ранние школьные годы.

Её вокальные данные были уже отточены в одиннадцать лет. Болезни Ника и Меделины, музыкальная школа и домашнее обучение сильно сближали их. Родители были знакомы с Ником, когда ему было одиннадцать лет, так что они привыкли нахождению Ника часами в комнате у Меделины, где они играли в музыкальные инструменты. Вместе они сочиняли песни в стилях инди-поп и электро-поп. Кроме Ника у Меделины были ещё другие друзья, но именно с ним она проводила больше всего времени из-за *музыки, которая их сближала*.

– Меделина, у тебя всё в порядке? – мама, обеспокоившись, спросила, как она привычно спрашивает после таких характерных неконтролируемых поведений дочери.

– Да, мам, – судорожно сглотнув, ответила Меделина, пригубив стакан воды.

– Ну, как успехи на работе, Мэгги? – прервал тишину мистер Флорес. – Ты ведь говорила, что талантливые ученики набираются.

– Отличные! – мама Меделины задумалась с улыбкой. – Ты не поверишь: я получала такое удовольствие, слушая талантливого молодого ученика, старающегося воспроизвести произведение Шумана «Токката».

– Мам, а сколько у тебя учеников? – с искренним интересом спросила Меделина.

– Было трое, но скоро будет шестеро. И все они не начинающие, а продвинутые пианисты, что меня очень восхищает. Мы скоро будем готовиться к выступлению на концерты, а это моё самое любимое занятие. Подготовка к концертам занимает много сил и времени, но это самое увлекательное, волнующее чувство, которое мне всей душой хочется переносить хоть каждый день. Я люблю своих талантливых учеников. И хочу, чтобы они добились результата, а результат – это уже концерт, который должен пройти идеально во всех его смыслах. Поэтому, если я буду приходить поздно, то значит – я должна быть на концерте.

– Мэгги, я очень горжусь тобой, – с нехитрой улыбкой подметил мистер Флорес. – Скоро мы будем гордиться нашей дочерью, Меделиной, – добавил он, намекая о предстоящем кастинге, на котором он ожидает победу от дочери.

Меделина заметно улыбнулась папе, глядя большими глазами прямо в его сторону, которые говорили: «Конечно, обязательно. Ты будешь мной гордиться».

– Было бы хорошо, если бы мы поехали куда-нибудь отдохнуть от этого мрачного и беспокойного района, – наметнула Мэгги, поворачиваясь к своему супругу, который сидел справа от неё.

– Твоя кузина планировала поехать и взять нас в Амстердам? – уклончиво напомнил он жене, отхлебнув немного апельсинового сока. – Не так ли, Мэгги?

– Детка, ты помнишь Амстердам? – подмигнув, спросила мама у Меделины. – Мы часто туда ездили, когда ты была маленькой...

– Конечно, помню, но я не хочу туда ехать, пока не пройду кастинг или меня не возьмут в группу, – твёрдо буркнула дочь, закончив ужинать.

– Я слышала, что в Нью-Йорке будут несколько таких кастингов подряд на следующей неделе. Они разъезжают по Америке и Европе для набора в музыкальную группу, – пояснила миссис Флорес. – Меделина и Ник, вы бы не хотели посетить эти кастинги, ведь они проходят раз в четыре года? – спросила она, широко раскрыв глаза и выжидающе глядя на обоих.

На удивление всех – было неожиданное предложение.

– Я бы поехал с удовольствием, но боюсь, что мои родители вряд ли одобряют мою поездку в Нью-Йорк, – вымолвил

Ник. – У меня остались посещения в клинике в этом месяце, чтобы закончить полный курс лечения азотемии.

– А я пока не думала об этом. . . , – глядя на Ника ответила Меделина, положив согнувшие локти на стол. – Наверное, нет, не поеду. . . Хотя я ещё подумаю.

Меделине нравился Нью-Йорк. Она всю жизнь мечтала посетить его с семьёй и друзьями, и миссис Флорес это знала. Однако её неожиданный отказ удивил её мать.

– Меделина, безусловно всё можно потом решить, а пока, ребята, вам стоит пойти в свою комнату и отрепетировать песню на завтра, а потом я к вам присоединюсь, – оживлённо взбодрила мама Меделины в такой непредсказуемо появившийся диссонанс. – Я сочинила, детка, для тебя новую песню. Она несомненно тебе понравится.

В комнате у Меделины Ник схватил большую тетрадь с записями нот и слов разных, но своих собственных песен, показывая и предлагая ей, что можно спеть на завтрашний кастинг. Список был небольшой: «На каждую страницу», «Капля яда», «Невероятный сон» и «Маленькая чёрная роза».

Меделина остановилась на песне «Маленькая чёрная роза», считая её лучшей из этого списка. Ник, безоговорочно соглашаясь со своей партнёршей, приступил медленно играть на гитаре. Она пела спокойно, мелодично, охватывая своим голосом всё пространство своим нежным и приятным

голосом, который забирал полностью и окунал мысли слушавшего в воспоминания и потусторонний мир.

В комнате царила гармония с романтичностью. Меделина любила убирать свою комнату, поэтому комната всегда была чистой. По размеру она была небольшой, но довольно уютной. Комната была пропитана лавандовым запахом, который с первых же минут пробуждал воображение, фантазию и грусть, захватывая разум и сердце в свои сети. Запах был очарователен, эмоционален и чувствителен, как вся её жизнь. В нём можно было забыться в потустороннюю реальность и создавать лучшие произведения. Это та самая комната, в которой Ник и Меделина работали, вдохновлялись и пели днями и ночами. Она была в четыреста раз лучше любой звукозаписывающей студии. Однако комната имела вид весьма неправильной геометрической формы, похожую на призму, что создавало больше креативности. Порой, казалось, что её комната из-за небольших размеров не давала простора, но угнетала и душила депрессивностью, из-за чего многие её песни были невыносимо грустными.

Меделина за свои семнадцать лет пришлось пройти через психологические страдания, но её душа не заледенела, потому как она проливалась с душой и искренностью весь свой внутренний и духовный мир через громкую музыку, которая её исцеляла. Она сумела пройти через унижения и при этом сохранить живую душу и ту необходимую связь с музыкой, которая помогала ей бороться с её глубоко психологи-

ческими проблемами. Также в комнате преобладал жёлтый цвет, который усиливал драматические переживания Меделины. В отличие от других американских подростков, у неё был относительный минимализм в интерьере, кроме висевших на стене фотографий с Ником, мамой, папой, её погибшей собакой и единственного постера группы *Tropical Island*.

Изображённая на фотографии собака, по имени Джек, была одной из самой популярной породы собак в Америке – лабрадор-ретривер золотистого цвета. У Джека были густая шерсть, добрые глаза и игривый характер. В детстве у Меделины – это был её самый лучший преданный друг, который по утрам приносил её тапочки и газеты, слушал её песни, старался быть рядом, когда её кто-то обижал. К несчастью, Джек был расстрелян случайно одной беспокойной ночью гангстерами криминального района Хайлэнд парка, потому что в ночное время часто перестреливались на улице. Пока Джек выбегал из дома за другим щеночком, в него попала пуля, из-за которой собака ещё долго скулила. Меделина потеряла своего преданного друга в возрасте тринадцати лет. Она не отходила от своей трагедии на протяжении нескольких лет, из-за чего решила больше никогда не заводить собаку. К сожалению, это была её не первая и не последняя потеря в её жизни.

В комнате Меделины в глаза сразу бросалась стоявшая на столе небольшая колба с маленькой чёрной розой, подаренная родителями на её день рождения. По словам родите-

лей, эта маленькая чёрная роза, как глубокий, редкий и таинственный цветок, символизировала саму Меделину, сильную бунтарку, которая готова сопротивляться против своей болезни, проблем и депрессии. К тому же ей были по нраву чёрные розы, поэтому, получив от родителей желанный подарок, Меделина поставила колбу с черной розой на самое видное место в своей комнате.

На её столе ещё лежала красная шкатулка с украшениями, камешками, резинками и красками для ногтей, особенно чёрного цвета в большом количестве. Её комнату приятно украшали разноцветные подушки-думки, радующие глаза. В углу стоял деревянный красный большой шкаф из нескольких полок, в которых теснились небольшая косметика, ароматические свечи, школьные книги, тетради для фортепиано, в которой была расписана вся нотная грамота, декоративная лампа с запахом лаванды, три награды за победы на конкурсах в музыкальной школе, альбомы и диски любимой группы *Tropical Island* и любимой певицы Люси Бэнкс, а также фотографии в красно-чёрных рамках.

Награда за второе место на городском конкурсе в танцевальной школе хип-хопа, которую она раньше посещала, напоминала ещё одну боль в её жизни... С раннего детства она сохраняла ритмичность, чёткость, резкость и скорость в танцах. Меделина ходила около полтора года в танцевальную школу, но это ей хватало, чтобы занять второе место на городском конкурсе. Она фанатела от этих танцев, что

просмотрела все американские фильмы о танцах, начиная от «Города танцев» до фильма «Начало», которые она прятала в нижних полках. К сожалению, один случай изменил её пристрастие к этому занятию: она получила перелом костей стопы, когда танцевала. Из-за чего ей пришлось ходить в гипсе около трёх месяцев. За этот период Меделина больше успела написать песни, чем думать о продолжении занятия танцами.

Также в комнате на красном большом шкафу привлекала внимание большая фотография, стоящая прямо по середине – это семья Меделины, в котором был и Ник. Он так часто проводил время с её семьёй, что уже, казалось, он неразделимая часть семьи Флорес. Все были одеты в повседневной одежде. Фотография была снята непрофессионально, в стиле «селфи». Похоже, что снимал все и сразу мистер Флорес. Эта была самая трогательная и единственная фотография совместная с Ником.

В комнате помещалось ещё и электронное фортепиано небольшого размера – это лучшее душевное лекарство Меделины, которое она называла «бальзамом на душу». Однако девушка до сих пор берёт уроки фортепиано у своей матери, которая в своей молодости очень любила часто играть дома и выступать на концертах, а сейчас играет дома только ради своей дочери, которая восхищается талантом своей матери. Активность, воля, целеустремлённость и трудолюбие Меделины – главные факторы, которые помогли ей освоить глав-

ные навыки игры на фортепиано. Ведь, как учила её мама: «Чем больше бездействия, тем сильнее уменьшается интерес к музыкальному инструменту».

Хотя родители были убеждены, что у их дочери был *поистине музыкальный талант*: музыка жила внутри неё с самого раннего детства. Её заразила мама, постоянно играющая на фортепиано по ранним вечерам. Так что в её сознании, чувстве и воображении свирепствовала музыкальная бактериальная палочка, которая надолго зажилась в мозгу у юной девушки. Хотя ещё роль сыграли её слух и творческая воля. Совсем ребёнком она слушала целыми вечерами до глубокой ночи великолепную игру матери таких фортепианных произведений, как Бетховена, Чайковского, Шопена. А во время багровых закатов, Меделина сладко засыпала под музыку Бетховена «К Элизе», которую вскоре сама начала воспроизводить.

Её пение и игру Ника на гитаре прервала Мэгги сверх всякого чаяния, в руке которой была горстка бумаги, сев на кровать и восхищаясь, смотрела она на Меделину.

– Ну, что, детка, у меня есть для тебя очень интересная песня, – подправляя бумагу перед собой, и очки, прищуриваясь, медленно добавила, словно она произносит имя какого-то победителя: «Танец с моей дочерью».

– Ну, окей, название мне уже нравится, – мило захихикала Меделина, оглядываясь на Ника, который, улыбаясь, смот-

рел на неё.

– Ник, подыграй мне, – попросила Мэгги.

Она стала распевать низкие ноты тихо и спокойно, подбирая мелодичные слова, а Ник в это время пытался подобрать мелодию на гитаре.

Когда Меделина села за фортепиано, чтобы сопроводить с игрой Ника на гитаре и песней мамы, её эмоциональное состояние было совершенное иное, чем обычно. Играла она с нежностью, ровностью, блестящей быстротой, а в то же время с совершенным спокойствием и красотой звучания. Вдохновлённая игра на фортепиано унесла её в детские воспоминания – незабываемые и блаженные дни. Жизнь казалась ей с тех пор абсолютным праздником, чувствуя с утра до ночи ощущение невероятной радости и непомерного счастья.

В десять лет она доходила до полной одержимости, что, не успев проснуться – она уже чувствовала музыку внутри себя весь день, всю неделю и целыми месяцами. Меделина любила сама импровизировать с игрой на фортепиано, при этом скрывая это от матери, которая могла бы дать ей замечания или критику, поэтому она играла, когда дома никого не было. Для неё было важно настоящая свобода, властность, гармония, уверенность, согласованность с её душевным состоянием и строгость. Будучи потрясенной до глубины души музыкой, как безумно одержимая, Меделина любила играть страстно, что позволило ей стать талантливой исполнитель-

ницей игры на фортепиано.

Она обладала у себя в воображении более чувственными, загадочными звуковыми образами, тембром и необычными красками, которые воплощались в её голосе и на её инструменте. Для Ника она была примером, который блестяще и поразительно ярко мог воскресить к жизни звуки немой нотной записи. Меделина имела свой индивидуальный специфический стиль, который соответствовал её эмоциональному, депрессивному состоянию, который также отражался на картине, висевшая у неё в комнате.

Эта картина изображала маленькую девочку, которая сидела на коленях и держала двумя руками опустившуюся вниз голову, закрывая лицо. Из её рук лились цветные слёзы, а толстые бретели платья до колен спадали вниз до её локтей. Меделина называла эту картину «Цветной депрессией», которая вдохновляла её оригинальностью и смыслом. Юная пианистка всегда стремилась к простоте и правде, что и хотела отразить в своей музыке. Она вовсе не играла загадочно или образцово. Это было совершенно не про неё. Меделина ценила простоту, искренность чувств, подлинность своих эмоции и самой музыки, с которой она трепетно жила и хранила в своём сердце.

Миссис Флорес закончила петь через две минуты, но они так быстро закончились, что Меделина сидела ещё долго в погружении этой песни, представляя её внутри себя, вооб-

ражая снова свои блаженные дни, когда она могла целыми днями играть на фортепиано.

– Мне определённо нравится «Танец с моей дочерью», – улыбочиво заявила семнадцатилетняя девушка. – Mam, спасибо за все песни, которые ты пишешь, за уроки... Я их никогда не забуду, – спонтанно и искренне призналась дочь.

– О, детка, *я люблю тебя*. Конечно, я буду писать тебе, пока я ещё жива. Я буду преподавать уроки фортепиано, когда ты захочешь. И я надеюсь всем сердцем, что все наши усилия оправдаются на завтрашнем кастинге. Нам лучше оставить тебя одну, чтобы ты психологически и морально подготовилась, а самое главное – ложись спать рано.

Ник вышел из комнаты через пять минут, пока мама целовала и обнимала свою дочь. Он пообещал заехать к ней с утра, к семи часам.

«Ну вот и всё. Покуда утро начинается с рассвета, а вечер заканчивается закатом, я не изменю своему стилю и любимому занятию, поэтому я настроена пройти кастинг», – записав у себя в красном дневнике, Меделина его захлопнула неторопливо, прижала к груди и глубоко вздохнула, надеясь на абсолютную победу.

ГЛАВА 2

Ранним осенним утром Лос-Анджелес, к удивлению, был спокойным, хотя Меделина ожидала, что он будет максимально динамичен: пробки, толпы людей, спешившиеся на работу и космический кастинг для певцов, который проводится раз в два года. А ещё в осенние дни ожидалось сильные ветра с частыми дождями. Однако в это раннее утро было довольно солнечно, хоть и прохладно. Так что погода уже подсказывала Меделине что-то хорошее, несмотря на прохладное утро. Тёплое солнце выглядывало из мрачных уходящих туч. День должен быть жарким.

С приближением к улице Южная Фигероа 601 в центре Лос-Анджелеса было заметно за километр огромное скопление людей. Если бы была возможность сфотографировать это сверху, то понадобилось бы двести метров высотой, чтобы запечатлеть каждого участника, стоящего вокруг входа в здание для кастинга, Фигероа в Уилшире, и колоссально затяжную очередь.

Над зданием висел внушительных размеров плакат с надписью *Город ангелов проснулся*. На Фигероа в Уолшире было установлено большое светодиодное табло с бегущей строкой, где анонсировались даты четырёх туров, которые должны были продлиться целых четыре дня!

Можно было бы постоять и прочитать каждое слово, на-

писанное крупными красными буквами на таблоиде, но подошла милая девушка, которая протянула бюллетени с программой кастинга для Ника и Меделины, ошарашенные грандиозностью этого кастинга. Они, словно упавшие только что с луны, вели себя так, как будто недавно оказались в Лос-Анджелесе. Они не видели ещё именно таким Лос-Анджелес. Заметив их растерянность, симпатичная высокая девушка с бейджиком на груди с именем Аманда, попыталась им объяснить условия и программу кастинга.

– Хочу напомнить, что кастинг проходит четыре дня. Целый день уходит на один тур. Первый тур включает в себя переключку, флешмоб, а также отбор по внешним данным. Второй тур – это выступление напрямую перед кастинг-директорами, которые отбирают лучших для третьего тура, включающего выступление – самая важная часть этого кастинга – перед продюсерами, судьями и агентами. Их решения окажутся решающими для четвёртого тура. Это выступление с одним из современных популярных певцов, который выберет вас.

– Звучит обалденно, – выпалил Ник с искрящимися глазами.

– Потребуется немало нервишек, – с полуулыбкой заявила Меделина.

– Набирают певцов в группу или для соло тоже? – поинтересовался Ник.

– Набирают только в группу, – ответила Аманда, – она бу-

дет называться *Now United*, – с улыбкой уточнила она. – После отбора сразу будет тур с несколькими концертами в день и большими гонорарами.

У Меделины и Ника отвисли челюсти.

– Сколько людей будет в группе, если столько много участников на кастинге? – продолжил задавать вопросы Ник.

Аманда немного помолчала, нахмутив брови, сжав губы и прищуриваясь. Затем вспомнив должное количество людей в группе, выпалила:

– Где – то человек пять, не меньше.

– Но это очень мало! – ошеломленно выпалил Ник.

Аманда зарегистрировала ребят, взяв их паспорта. Перебирая у себя в большой сумке картонные бумаги, она вытаскивала соответствующие уникальные номера для отбора, которые она приклеила им на грудь.

– Ребята, вы оба такие милые! – с восторгом и эксцентричностью почти вскрикнула Аманда. – Не переживайте, я уверена: вы всех сделайте! – ободряюще сказала она. На самом деле, помощница кастинг-директоров говорила всем участникам, что они пройдут отбор, кому рассказывала программу, написанную в бюллетенях. Аманда продолжила объяснять условия кастинга следующим участникам.

Ник и Меделина встали в самый конец длинной и пёстрой очереди, в которой можно было подумать: можно просто целый день под ярким осенним солнцем. Для Меделины и Ника это был невообразимый новый опыт – увидеть

огромную массу людей, желающих стать известными певцами с гигантскими контрактами.

Однако организация кастинга была довольно грамотной, так как отборы столь большого количества людей начали проходить стремительно быстро. Внутри здания заходили сразу по тридцать человек. Через каждые десять минут – очередь, огибающая целый квартал, продвигалась вперёд. Дело в том, что многие люди, стоя под солнцем, уже сами добровольно уходили. Температура в воздухе стала подниматься. Поток людей двигался весь день... Как оказалось, певцы, выступающие для сольной песни, делились по полу: с утра девушки, а днём – молодые люди. Дети приходили к вечеру.

Не прошло и часа, как Меделина и Ник оказались уже внутри огромного зала, полного кастинг – директорами, которые делали пометки у себя в ноутбуках. Через несколько минут они разгласили по номерам: кто прошёл на следующий тур. По разглашённым номерам не было номера Меделины...

Она вздрогнула. У неё резко забилося сердце, закружилась голова. Только подумать, Меделина даже не прошла первый тур! Она мысленно взмолилась, чтобы это было ошибкой.

– А подождите, – остановил один взрослый мужчина лет сорока. – Небольшая поправка – номер тридцать-пятьдесят пять проходит.

Это был номер Меделины – она облегчённо выдохнула. С этого момента она стала больше переживать, потому с каждым шагом всё становилась труднее. Её прежняя глубокая уверенность куда-то стала постепенно улечиваться. Это чутко заметил Ник и решил подбодрить подругу.

– Ты чего так раскисла? – спросил Ник, обнимая её за талию, что придало снова неловкость Меделине, у которой был шквал разных эмоций.

– Всё хорошо, – выдавила растерянная девушка.

– Нет, я вижу, что твоя энергия чуток упала. Ты что думаешь, я тебя не чувствую?

Меделина стало спокойнее услышать его приятный голос и приободряющие слова.

– Мхм, – тихо кивнула девушка. – Я, наверное, немного устала и стала переживать. Здесь слишком много людей. Мне становится плохо.

– Слушай, всё это необходимо преодолевать, проходить через трудности, а иначе никто и никогда тебя так и не заметит. Мэд – ты самая талантливая и умная девушка из всех которых я встречал! В такие моменты, как сейчас, неуверенность и усталость лучше не показывать, а хорошо скрывать и быть стойким, жизнерадостным и испускать только позитив! Я это понял на своём тяжёлом опыте, когда однажды разозлился на кастинг-директора, который начал меня осуждающе оценивать. Ты не представляешь сколько у меня было тогда негативных эмоций! Тогда я сбил своё расположе-

ние духа и под конец спровоцировал множество ошибок. Это был небольшой кастинг – не такой, как сейчас.

– Да, я это понимаю, – рявкнула Меделина, охваченная паникой, в шуме других голосов и разговоров людей.

– Посмотри на меня, – Ник взялся обеими ладонями за лицо девушки. Его карие искренние глаза выдавали его сильную симпатию к ней. – Не давай показывать, что ты слабая! Даже сейчас... Показывай им здесь и сейчас только лучшую версию себя. Ведь если сделано всё, что было в твоих силах, и ты не проходишь отбор – это уже не так больно и неприятно. Самое главное – не сдаваться без боя. Как минимум тебя заметят и, возможно, даже запомнят и будут иметь в виду для следующих крупных проектов и кастингов. Так что ты выступишь так же, как выступала в парке. Представь, что ты там, а не здесь. Хорошо?

– Хорошо, – запнувшись, выдавила Меделина, у которой пересохло в горле.

Ник стал нервно крутить в руках свой номерок то ли от прикосновения к ней, то ли от переживания.

– Эй вы! – крикнул кто-то из толпы людей, обращаясь к Меделине и Нику. – Чего вы стоите? Или уже забыли, что прошли на второй тур?

Люди собирались на флешмоб для дальнейшего отбора. Этот этап включал хореографию и синхронизованные танцы, при этом следуя ритм музыки, которую несколько раз меняли.

По окончанию флешмоба, результаты тех, кто прошёл на следующий тур снова разгласили по номерам. На этот раз Меделине не пришлось переживать, потому что её номер прозвучал одним из первых.

После такого трудного дня Ник крепко обнял, притягивая к себе, Меделину, которую хотел поцеловать, но посчитал, что это не подходящий момент для романтики: поцеловать первый раз лучшую подругу, эмоционально и физически уставшую по окончанию первого тура возле Фигероа в Уолшире! Ник был слишком романтичен, чтобы позволить себе поцеловать девушку в таких неуместных для романтики местах. Однако он ждал подходящего момента, в которого верил, что он скоро должен наступить.

«Второй день отбора – выступление перед кастинг-директорами», – подумала про себя Меделина ранним осенним утром. Она обняла родителей и села в машину Ника, который ждал её возле соседнего дома, где жил сам Ник с родителями. К счастью, погода Лос-Анджелеса в осенний период не стала испытывать судьбы людей своей ветреностью и туманностью. В этот жаркий солнечный день Меделина одела, как обычно, мешковатую пёструю одежду, которая скрывала её фигуру. Одежда больше её размера в два раза состояла из футболки кремового цвета и светло коричневых свободных штанов, которые были завёрнуты снизу так, что виднелись капроновые носки с больших белых кед. В этой одежде

девушка чувствовала полную свободу и уверенность.

Подъехав снова к зданию Фигероа в Уолшире, ребята ожидали увидеть толпы людей, как и вчера, но их количество сократилась в двадцать раз! Хотя такое сокращение людей всё равно создавало огромную конкуренцию, потому что остались лучшие духом, а в этот день был прямой отбор по музыкальным и вокальным данным. Очередь оставалась такой же длинной, потому что прослушивания длились довольно долго. Ник и Меделина встали в самый конец этой очереди.

Через пару минут позади них встала чернокожая юная девушка с пышными формами и громко разговаривающая по телефону, будто она с кем-то ругается. Её необычная, яркая и привлекательная внешность произвела огромное впечатление на Меделину, которая обернулась назад, чтобы разглядеть эксцентричную девушку с необычным образом. У неё были красивые формы лица, длинный нос и довольно крупные глаза. Её эпатажный и экстравагантный стиль выходил за рамки привычного: слишком длинные накладные ресницы, стрелки, образ роскошной блондинки с непрокрашенными корнями волос и большое количество пудры на лице с розовой помадой на губах. Такая сумасшедшая яркая внешность выглядела очень вульгарно. В эту же минуту Меделине вспомнились слова художника её картины в комнате, который сказал: «Суть в том, чтобы обо мне всегда говорили, и не важно хорошее или плохое». Меделина подума-

ла про себя, что эта девушка точно запомнится кастинг-продюсерам, да и вообще всему миру, и о ней будут говорить непрерывно...

– Привет, я недавно пришла с работы, – выпалила девушка, закончив разговор по телефону и заметив пристальный взгляд Меделины. – Еле как отпросилась, чтобы успеть одеться и накраситься поприличнее, – продолжила она. – А мой босс оштрафовал меня, что я ушла раньше, чем обычно, хотя я его предупреждала, что уйду рано! – не замолкая, громко и быстро говорила яркая особа. – Меня зовут Лу – я огромный кумир рэпа. А вас как зовут, ребята?

– Меня зовут Меделина, а это мой друг, Ник, – протянула руку, чтобы пожать руку Лу.

– Вы давно стоите здесь? – хлопая длинными ресницами, она переводила взгляды то на Ника, то на Меделину.

– Мы сами недавно пришли, – мягко ответила Меделина.

– Ненавижу такие ужасные очереди! – произнесла Лу снова громко так, что слышала вся стоящая очередь. – Но как-то однажды сказал мой дядюшка Джимми: «Это, мать твою, шоу – бизнес! Это деловой бессердечный подход и сущее напряжение! Благодарю Бога, ведь ты в Америке, в стране, где осуществляются даже самые сумасшедшие амбиции». Так что придётся иногда идти на жертвы, чтобы воплотились наши мечты.

– О, да! – подхватили ребята с громким смехом Лу. – Твой дядюшка абсолютно прав!

– У тебя классный образ, – не выдержав, призналась Меделина. – Видать, ты знаешь, как производить впечатление и обращать на себя внимания людей.

– Ой, да что ты! – почти вскрикнула Лу. – Спасибо! – поблагодарила уверенно она, засмеявшись довольно громко. – Я в этом пришла только сюда и сегодня. Как стану звездой – буду ходить в этом образе каждый день!

– Я тоже с этих больших штанов не буду вылезать! – присоединилась Меделина, мило хихикая.

– Мы выступаем с ней вместе, – вмешался в разговор Ник. – Она поёт в жанре поп, а я, поддерживая её, подыгрываю ей на гитаре. А ты что поёшь? – любопытствовал он, оглядевшись на вульгарный образ Лу.

– О круто! – лестно восхитилась Лу. – Ну, я пишу стихи, читаю рэп. Я занималась этим почти всё время, как знаю себя.

– Уау! – высоко поднял брови Ник с расширенными глазами.

– А ты увидишь! – слегка кивая и плотно сжав губы, Лу сильно и внезапно подняла брови. – На самом деле, рэп для меня – больше, чем кайф, – твёрдо пояснила девушка о себе. – Я пишу от самого чистого сердца. Без фальши. Это самое главное для меня. Второе – это постоянно работать над собой. Я не Лу, если не буду много работать.

– А вы не такая уж и хрупкая девушка, – подшучивал Ник.

– Я прошла через столько проблем, что вряд ли можно

назвать меня хрупкой и нежной особой, – ледяным тоном вульгарно произнесла Лу. – Я борюсь каждый день со своим боссом, соседями, мешающими мне создавать музыку, этими кастингами, козлами-мужчинами, которые сидят на районе, ничего не делая, стреляя друг в друга. Только умеют воровать у других деньги со своими стволами.

Обменявшись номерами мобильных телефонов, чтобы как-нибудь встретиться, ребята попрощались с Лу. Не успели с ней попрощаться – они уже стояли перед пятью кастинг-директорами.

Пока Меделина пела своим бархатным голосом пронзительную песню «Маленькая чёрная роза», кастинг директора делали заметки у себя на бумагах и оценивающе смотрели на пару. По окончании песни, все сидящие громко захлопали.

– Меделина, вы поёте потрясающе искренне, – прокомментировал один из кастинг-директоров. – У вас неземной голос. Мне также понравилась игра на гитаре вашего напарника. Вы очень хорошо чувствуете друг друга. Это очень хорошо...

Долго перебирая фотографии юной певицы, женщина из группы кастинг-директоров, по имени Катерина Стоун, сразу же спросила, обращаясь к Меделине:

– Скажите, почему вы одели одежду большого размера? Это один из компонентов вашего образа?

– Я люблю свободу, – заявила уверенно о себе Медели-

на. – И мне хочется обратиться к этому миру и сказать, что не стоит быть наложниками границ, идеалов и стереотипов.

– А кто написал песню? – продолжила задавать вопросы Катерина.

– Я, но мы вместе создаём музыку.

– Тебе всего семнадцать лет! – подняла бровь Катерина, глядя на анкету. – Уау! У меня нет слов! У тебя хорошее большое будущее впереди, девочка. Уверена, ты будешь выше Эвереста. – Похвалила она, незамедлительно сказав им результаты о прохождении на следующий тур.

– Спасибо большое, – у Меделины наворачивались слёзы на глазах, которые были слезами счастья.

После выхода из комнаты прослушивания девушка сильно заплакала, вытирая их руками.

– Мэд, мы сделали это! – обнял её крепко Ник, нежно целуя её в лоб. – Ты была сегодня на пике – в лучшей форме! Важно сохранять эту уверенность, спокойствие, ясность мысли и голоса завтра на третьем отборе.

– Как говорила Аманда, третья часть отбора – это самая важная часть этого кастинга, – вспомнила его партнёрша. – Нужно произвести впечатление перед продюсерами, судьями и агентами, – решительно произнесла Меделина. – Надо подумать о выборе песни на завтра.

– Как тебе песня «Наш день»? – предложил Ник. – Ты его сама написала. Я тебе подыграю на гитаре. Думаю, она им должна понравиться.

– Давай её сегодня отрепетируем, – настойчиво попросила Мединина.

– Конечно.

Весь вечер ушёл на репетиции для третьего отбора и весёлые беседы с Ником, который так и не решался признаться ей в любви. Они сидели плечо к плечу на полу у кровати Мединины.

– Может прокатимся? – спросил он у своей немного уставшей подруги, чтобы её взбодрить.

– Давай, – согласилась она, кивая.

Они немедленно, громко смеясь, сели в машину Ника, наслаждаясь осенним вечером. Прохлада и дуновение ветра пробуждали музыку в Мединине. Наблюдая за северо-восточным Лос-Анджелесом с его холмистым районом, расположенном в величественных холмах Сан-Рафаэля и приточной реки Арройо-Секо, они прошли босиком по увядшей земле, а потом выпили тёплый кофе в уютном кафе, разговаривая по душам.

– Ник, это кафе находится напротив магазина пищащей машинки, принадлежащей моей бабушке, Дженессы Флорес. В детстве я часто ходила навещать её и играла на её старинных машинках.

– Хочешь зайти туда снова? – предложил он ей.

– Пожалуй нет, – буркнул она. – Давай, когда всё это закончится, отпразднуем, – Мединина быстро перевела тему,

радостно предложив что-то поинтереснее.

– Боюсь, мы будем очень заняты, если мы пройдем этот кастинг, – тихо пробормотал Ник. – Выступления, подготовки, выезды, концерты... Мэд, обещаю мне, что, когда станешь звездой, ты меня не забудешь. – Подтрунивал он над подружкой.

– Я тебя сразу же забуду, и у меня не будут никаких воспоминаний с тобой, – мило захихикала Меделина, не предвещающая ничего плохого, сказав *роковую шутку*.

Оба вернулись снова в её комнату, чтобы продолжить репетицию. На какое-то время они просто взяли ладонями, крепко их прижав, закрыли глаза и сидели в тишине. Она взглянула на стоящую на столе колбу с маленькой чёрной розой.

– Ник, я всё время думаю о создании альбома под названием «Маленькая чёрная роза» с десятком песен о силе, протесте, сопротивлении и стойкости против нынешних проблем. Я так хочу донести до людей, что не стоит поддаваться болезням, синдромам, обстоятельствам жизни, а стоит бороться за свою жизнь – и это в руках каждого человека.

– Мы создадим его вместе обязательно. Я тебе обещаю. Через месяц он будет готов, если мы будем упорно работать, но пока что нам надо сконцентрироваться на кастинге.

– Хорошо, – Меделина тепло улыбнулась, вглядываясь в глубокие и пронзительные карие глаза Ника.

Они продолжили репетицию перед предстоящим важным

отбором.

«Третий день отбора – самая важная часть этого кастинга. Выступление перед *главными продюсерами, судьями и агентами*», – вспомнила про себя Меделина холодным ранним осенним утром, словно повторяя предыдущий день. Она обняла родителей и села в машину Ника, который ждал её возле того же соседнего дома. Меделина надела длинную зелёную свободную футболку с принтом маленького человечка, широкие висящие штаны чёрного цвета и зелёную обувь. На этот раз образ был намного ярче: зелёный цвет притягивал внимание.

На улице начался морозящий дождь. Усиливалась туманность. Однако прохладный воздух был очень приятным, который приближал дальние звуки сигналов машин и мужских криков. Мгновенное изменение погоды что-то предвещало, но юная певица пыталась не обращать на это внимание. Подъехав на третий раз к зданию Фигероа в Уолшире, Меделина и Ник увидели совершенно другую картину: длинная очередь из огромного количества участников уже не стояла так, как во второй день отбора. Участников стало слишком мало.

– Когда отсеиваются всё больше и больше людей с каждым днём – появляются страх и ужасно-дикое желание пройти все этапы, отборы и победить, – выпалил Ник, словно вошёл в какую-то азартную игру.

– Ник, ты воспринимаешь этот кастинг как безусловную единственную конкуренцию в твоей жизни.

– На самом деле, для меня всё – это жизнь, а жизнь – это борьба. В борьбе сильный конкурент всегда побеждает слабого.

– Ник, я смотрю: ты очень сильно хочешь пройти этот кастинг? – с прищуренными глазами оглядела она своего приятеля.

– Ради этого мы ведь здесь, – буркнул её лучший друг. – Я всегда хотел выигрывать, причём везде, даже когда мчусь на машине. Опережаю все машины, при этом не увеличивая скорость.

– Ник, у тебя неправильное понятие между искусством и победой, – возразила ему Меделина. – Музыка – это не твоя уличная гонка на машинах, это искусство.

– Ну, а искусство – это тоже конкуренция, – уверенно проворкотал он.

– Ник, наблюдая за таким большим количеством претендентов на место в группу, наступает момент, когда понимаешь, что главное – не пройти отбор, а быть *единственно лучшим певцом*. И не в смысле устранения конкурентов.

– Мэд, ты уверена, что тебе подходит этот кастинг? Тебе надо одной петь в соло, а не в группе. Ты слышала Аманду? Пять участников будут петь в группе.

– Ник, ты же знаешь, что это один из единственных способов воплотить мою мечту. Я столько готовилась к кастин-

гу. Не хочу, чтобы это было впустую. Я не знаю, что я сделаю с собой, если я не пройду.

– Мэд, поэтому не надо настраиваться, что ты его не пройдёшь. Вспомни мои слова, которые я тебе говорил в первый день. Ты – лучшая из всех этих участников. Не у всех есть такой талант, как у тебя.

Меделина невольно замолчала. Даже у человека с талантом бывает неуверенность и страх.

– Слушай, я тебя знаю от корки до корки, – подбодрил её Ник. – Да и тем более, кастинг как игра в шахматы. В случае нашего проигрыша всегда можно сыграть ещё один раунд. Но сыграть второй раунд стоит немало терпения, потому что придётся ждать следующий, такой же масштабный кастинг целых два года.

– Как ты думаешь, Лу прошла вчерашний отбор? – озадаченно спросила Меделина, ища её где-то среди очереди. – Я здесь её не вижу.

– Эм... Мэд, тебе стоит начать открывать Фейсбук мессенджеры и проверять входящие сообщения, – напомнил ей Ник. – Она написала, что она не прошла на третий день отбора, потому что её песни не подходят под формат этого кастинга.

Лицо Меделины потускнело, а холод прошёлся по её телу. Ведь она верила, что Лу должна была пройти. Она верила в её сильный потенциал, а её вера оказалась абсолютно пустой.

«Во что же дальше можно верить с моей дырявой интуицией?», – разочарованно подумала про себя Меделина.

Прошло больше часа, как ребята оказались уже перед главными судьями этого грандиозного события. Всё было по плану. Ник начал играть на гитаре медленно, спокойно и ритмично, в то время как Меделина начала исполнять песню «Наш день» со слов: «Белая футболка покраснела, оказывается я заболела. Смотрю из очков, а ты крадёшься в носочках...».

Казалось, что они вдвоём уже начали нравиться судьям по их видам, которыми они кивали ритмично по музыке, но Меделина внезапно замолчала... У неё начались спонтанные повторные неритмические тики: судорожно поднялась голова в левую сторону и дёргался глаз. Длилось это несколько минут...

В комнате прослушивания создалось молчание и навёрнулась неловкая атмосфера, что судьям пришлось остановить всё сразу и попросить выйти Меделину из комнаты прослушивания, а Ника оставить на некоторое время. Выйдя из комнаты прослушивания, для Меделины последние несколько минут были похожи на страшный мутный сон, о котором она даже не хотела ещё долго вспоминать.

«Неужели это всё? Наверное, мне стоит вернуться и попросить дать мне ещё один шанс?», – подумала девушка. Ей казалось, что всё это происходит не на самом деле – это её иллюзия и это не она. «Неужели мои тики, длившиеся па-

ру минут, решили всю мою судьбу? Чёрт!», – тяжело дыша, крикнула Меделина, взявшись за голову.

Пока в груди бешено билось сердце, ей пришли детские школьные воспоминания, когда она первый раз перенесла унижения от своих одноклассников, которые указывали на неё пальцем во время её первого нервного тика и судорожного подёргивания головой. С тех пор она пытается обходить тех одноклассников...

Ей было так унижительно возвращаться в комнату прослушивания, где её попросту отчихвостили. Внезапно Ник вышел с грустным поникшим лицом. Он твёрдо взял за руку Меделины, зашёл с ней в комнату прослушивания и попросил у судей дать ей ещё один шанс.

– Хорошо, пусть поёт, – одобрил один из продюсеров.

Девушка кивнула, тихо пробормотав: «Спасибо». Ник и Меделина переглянулись взглядами. Она, попытавшись забыть последние минуты, пела так, словно проживала каждое слово.

Закончив выступление, глаза Ника были полны надежды – он был готов услышать положительное «да» им обоим.

– Это было трогательно, чувственно и красиво, – начал тот же продюсер, который разрешил спеть Меделине ещё раз. – Однако есть одно «но», нам не подходит такой формат песен, стиль музыки, поэтому мы не готовы пригласить Меделину на следующий тур. Надеемся, она добьётся успеха в другом проекте, где её стиль пения и голос подойдут.

В это самое мгновение боль оказалась такой неожиданной, сильной и незаслуженной, что Меделина даже не зарыдала, а очень сильно удивилась. Ей хотелось прямо на данный момент в этой самой комнате прослушивания биться о стены, бежать и рыдать. Однако боль зашла слишком глубоко внутрь...

– Ваша игра на гитаре была сыграна очень даже профессионально, – обратился продюсер к молодому человеку, наклоняя голову в сторону Ника. – Нам нужны такие хорошие гитаристы, как вы.

Продюсеры попросили дать время посоветоваться. У Ника и Меделины дрожали руки и учащённо билось сердце в ожидании результата.

– Ник, мы решили вас пропустить на следующий тур, – наконец заявили продюсеры.

Меделина подмигнула Нику, искренне улыбнувшись и кивнув головой, таким образом, давая знак, что ему следует идти дальше без неё.

По дороге назад домой запах прохладного ветра и моросящего дождя прятал горькие слёзы Меделины, которые она вытирала сразу же, чтобы Ник их не заметил.

– Ник, обещай мне, что ты пойдешь на завтрашний отбор, но без меня, – попросила искренне девушка. – Если ты не пойдешь, то ты меня обидишь очень сильно. Ты мой единственный лучший друг. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

– Мэд, я хочу у тебя кое-что спросить, – начал Ник, погля-

дев ей прямо в глаза. Неловко откашлянув и глубоко вздохнув, он продолжил: – Почему ты от меня отстраняешься, когда я хочу к тебе прикоснуться?

У Меделины сработало внутреннее препятствие, которое она не ожидала от себя.

– Я не хочу причинить тебе боль, – внезапно вырвалось с её уст. Она напряжённо улыбнулась, задержав дыхание.

– А причём тут это? Как ты можешь причинить мне боль?

– Извини меня, я в растерянности, – её голос дрогнул от того, к чему могут привести эти вопросы. – По тебе не видно, что это имеет какое-то значение.

– Конечно, имеет, – хриплым голосом произнёс Ник.

– Ну так покажи, что это имеет большое значение, – гордо и высокомерно сказала Меделина, будто это была совсем не она.

– Так я это показываю, – в глазах у Ника прошлась яркая искра. Казалось, вот – вот и эта искра превратится в слезу. Эти жгучие карие глаза так и манили к себе. Меделина еле стояла, удерживаясь от них. Одно было ей чётко ясно: чем больше физически ей тянуло к Нику, тем больше она отстранялась от него.

Ник продолжил:

– Ты этого не замечаешь совершенно! – воскликнул Ник дрожащим голосом. – Как мне это ещё показывать?! Закричать на тебя?! Я ведь даже пытался тебя поцеловать – но ты отвернулась. Если я это сделаю, разве это покажет, что я

люблю тебя?! – Сам от себя, не ожидая и даже не планируя этого говорить, внезапно и неловко с его уст выскочило это признание.

Меделина пошатнулась слегка от неожиданного признания... В её глазах всё помутнело...

Продолжали крапать капли дождя. Облака вытянулись длинными туманными нитями. Слышалось нежное дыхание влаги тёплой земли. Ощущался приятный запах дождя. Шумели падающие капли на крыши домов. Мокрые волосы свисали на лицо Меделины. Ей не давал покоя отказ в кастинге, которого она так долго ждала. Ощущение боли и непризнание её таланта били её в горькую дрожь. «Видимо, вовсе у меня нет никакого таланта? Наверное, я настоящая бездарность?», – появились мысли у неё в голове, которые несвязно крутились ещё вокруг её сильной симпатии к Нику, которую она пыталась тщательно скрывать всё это время. Казалось, что ей сейчас просто хочется убежать куда-то, спрятаться и громко плакать.

Меделина грустно смотрела сквозь Ника, погрузившись в себя, пока он ожидал от неё какого-нибудь ответа...

ГЛАВА 3

Моросящий дождь продолжал лить на Ника и Меделину, которые стояли посередине улицы.

– Извини, мне нужно идти домой, – пробормотала Меделина, у которой была буря различных эмоций на безмятежном лице с грустными глазами. – Сегодня был тяжёлый день. Мне лучше побыть одной.

Девушка направилась домой пешком в моросящий дождь одна.

– Чёрт! – со всей злостью сказал Ник, пнув ногой о шину своей машины, когда силуэт Меделины стал исчезать. – Зачем я это сказал именно сегодня в этот дурацкий момент?!

Пешком домой, мокрая от слёз, Меделина наслаждалась каждой секундой вдыхаемого свежего воздуха дождя. Закрывая глаза, она подняла голову и смотрела вверх, чувствуя, как капли дождя текут по её розоватым щекам и небольшие лучи солнца падают на её лицо. Она хотела ускорить это время, чтобы забыть этот день, когда ей отказали, к чему она так долго готовилась.

Юная девушка перебирала в голове сотни идей, чтобы не расстроить родителей своим поражением, слабостью, болезнью – болью, когда погибла её очередная надежда, которая так долго и трепетно жила в её сердце.

Меделина решила сказать правду, в которую *она сама*

не верила.

Зайдя в дом, с предвкушением мистер Флорес с искрящими и выжидающими глазами ждал свою дочь с хорошими новостями, а миссис Флорес в это время, как обычно, хлопотала на кухне, приготавливая вкусный ужин для празднования. Но Меделина, с насильно натянутой улыбкой и грустными глазами, тихо произнесла: «*Я не прошла*». Моргнув, она вытерла подступившуюся слезу.

Искра в глазах у папы мгновенно исчезла.

– Ну ничего, – хриплым опечаленным голосом подбодрил её папа. – Значит, *тебя ждёт что-то другое*.

– Доченька, у тебя ещё всё впереди, – мама погладила дочь по её гладким белоснежным волосам и пригласила поесть. – Мы молились за тебя. Всё будет хорошо.

– А как он проходил? – излишне любопытствовал отец. – Что случилось? – снял он очки, ожидая ответ от дочери.

– Мой нервный тик, – коротко и внятно ответила Меделина. – А ещё они сказали, что мой стиль пения не подходит под их формат кастинга.

– Ну, ничего, – оптимистично настроено сказал папа, повернув голову в другую сторону. – Попробуешь ещё раз. Этих кастингов очень много. Подумаешь, не прошла на один из них.

Первый крупный *отказ разбил вдребезги* её мечту, которую она хотела воплотить. Меделина перестала верить в свои

силы, если они ещё хоть остались. Собрав все оставшиеся силы, она призналась, что она расстроена.

– Детка, жизнь сама по себе – невыносимая и жуткая боль. Не чувствуя боли – ты не чувствуешь, что по-настоящему живёшь, поэтому боль не всегда плохо. Всегда надо бороться, потому что тебе всегда будут отказывать ... – Отец прислонился к столу, оглядываясь на первую страницу газеты «США Сегодня».

Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Знаешь, сколько раз мне отказывали? – спросил отец, пригубив чашку чёрного чая.

– Сколько? – удивившись, спросила Меделина.

– Раз пятьсот! – воскликнул он. – Но у меня есть цель – это вы, моя семья, ради которой я готов на всё. Меделина, у тебя должна быть та надежда, неугасающая мечта, за которую ты должна постоянно держаться крепко руками и никому не отдавать несмотря ни на что... Запомни это.

Эти слова подбодрили Меделину. Она мило улыбнулась и поблагодарила отца за сильную поддержку, но отказалась ужинать, так как у неё не было вовсе аппетита что-либо есть.

В комнате Меделина села на пол, прислонившись к кровати. Из-под неё вытащила красный кожаный дневник, подаренный родителями, когда ей было ещё пять лет. Она открыла его, взяв ручку с красным мехом наверху и начала записывать.

Второе октября 1996 год.

Я стала неудачницей впервые с того момента, как мне исполнилось пять лет. Мой нервный тик стал главным моим поражением, моей болью, а за ней остальные: насмешки одноклассников в первом классе, соседей и разбитая мечта. Так вот, что такое отказ — поражение... Как мучительно... Я чувствую необъяснимую боль в своей груди. Не знаю, смогу ли я дальше верить в то, что смогу стать популярной певицей и покорять сердца людей своей музыкой. Наверное, это сумасшедшая мечта маленькой девочки, которая до сих пор живёт у меня внутри.

Моя драма в том, что я самая обычная девушка из простой семьи с огромной мечтой и врождёнными нервными тиками. Но самая большая душевная боль — это мои собственные иллюзии, фантазии и неосуществлённые мечты. Глупая фантазия о том, что мои двигательные и голосовые тики пройдут сами по себе, что я смогу повлиять на мир своей музыкой, стать звездой и помочь родителям. Это всё — мои глупые иллюзии. Единственное, что мне поможет спастись от этой боли — музыка, которая попадает в меня глубоко, забирая эту боль с собой.

Я хочу остаться верной себе, своему стилю, своему занятию. Я не хочу стараться соответствовать ожиданиям других.

А ещё сегодня Ник признался мне в любви... Я так давно ждала этого, что от неожиданности и подавленности я

никак не отреагировала на его признание. Наверное, он сильно расстроился. На самом деле, он меня спас... Если бы он не признался, я бы сошла с ума от того, что я одинокая, никому не нужная бездарность. Чувство любви помогает пережить эту боль. Я обязательно ему отвечу в своей взаимности.

Я его люблю тихо....

Меделина закрыла дневник и медленно стала играть грустную мелодию на фортепиано, успокаивая себя от напряжения и стресса за сегодняшний тяжелый день. Во время игры на фортепиано она иногда поглядывала из окна на цветочный сад. Хоть и ночью было темновато любоваться садом, но свет от комнат падал на красивые красные тюльпаны и разноцветные лилии – мамины любимые цветы.

Всю ночь проиграв на фортепиано грустные громкие ноты, она остановилась, только когда в комнату зашла миссис Флорес в ночной сорочке и сонными глазами.

– Детка, ты знаешь который час? – зевая, спросила мать у юной дочери.

– Мам, я совсем не заметила, что уже четыре часа ночи, – ответила она, кинув взгляд на часы в комнате.

– Тебе пора спать. Завтра поговорим насчёт твоей грустной музыки, доченька. Твои песни меня разбудили. – Сказала мать, заметившая грустное и депрессивное настроение своей дочери по её музыке, которая была идентификатором

настроения Меделины.

Следующее утро было необычным, потому что не пришёл Ник, как он это делал каждое утро. Ник приходил с поводом и без повода, но, самое главное, дверь для него всегда была открыта для семьи Флорес.

– Детка, Ник прошёл кастинг? – поинтересовалась мама Меделины, которая хлопотала на кухне, готовя горячие и хрустящие гренки по-французски на завтрак. – *Поэтому* его нет сегодня утром?

– Да, и я рада за него, – недвусмысленно ответила Меделина, не выспавшись ещё от вчерашней ночной игры на фортепиано.

Она отпила крепкое вкусное кофе.

– Ник – хороший парень, – заметила мать. – Будем молиться за него дальше.

– Ну что, Меделина, какие у тебя дальнейшие планы? – спросил отец, который направлялся в сторону кухонного стола с газетой «США Сегодня» в руках.

– Пока что никакие, – ещё всё расстроенная ответила дочь.

– Меделина, борись до конца! Боль, которую ты вчера испытала, временна, но твоя будущая победа будет бессмертна. – Твёрдо и наставнически сказал ей отец. – Так, какие у тебя планы? – настойчиво продолжил он.

– Я не знаю готова ли я ещё проходить кастинги, – отчаян-

но пробормотала Меделина. – Я так серьёзно отнеслась и готовилась очень долго, что думаю, что больше уже не смогу.

– Меделина, а ты помнишь, что я говорила на прошлой неделе? – вспомнила Мэгги Флорес, пытаясь утешить и подбодрить дочь. – Я говорила про кастинги в Нью-Йорке...

– Мэгги! – неодобрительно посмотрел мистер Флорес на свою жену, которая заканчивала готовить завтрак. – Мы уже об этом с тобой говорили.

– О чём говорили? – оживлённо спросила Меделина.

– Детка, тебе не стоит опускать руки. Знаешь, сколько раз мне отказывали? Как и твоему отцу! Но мне больше. Миллион раз! Думаешь, если бы я опустила руки после первого или второго отказа, я смогла бы стать профессиональной пианисткой?

– Мэгги, к чему ты ведёшь? – довольно сердито спросил мистер Флорес.

– Меделине стоит отойти от этого опыта и попробовать в других кастингах. Я верю: у неё всё получится. Главное – пробовать и не останавливаться. И поэтому, я считаю, что ей не помешает поехать в Нью-Йорк и испытать свою судьбу, ведь эти крупные кастинги проходят раз в четыре года. А что, если Меделина попадёт в группу?

– Мэгги, это опасно – отпускать дочь одну в Нью-Йорк, – упрямо сказал мистер Флорес. Затем продолжил: – Если бы она поехала с друзьями, то это уже совсем другое дело. И к тому же это потребует немало финансов, а Нью-Йорк –

это недешёвый город. Ты это знаешь. И неизвестно насколько она там задержится.

– Ей уже семнадцать лет. Она уже взрослая и может ездить одна. Чего там опасного?

– Мэгги, я её никуда не отпущу и точка, – сжав кулаки, сказал папа.

– Детка, а ты ведь хочешь поехать в Нью-Йорк? – спросила мать.

– Наверное, нет, – не сразу ответила Меделина, вспомнив о Нике.

– Детка, почему нет? – подняла брови мать, раскрыв немного рот. – Ты же всегда мечтала о Нью-Йорке... – довольно отчаянно произнесла она. – Это всё из-за Ника, да? – в голосе матери появился визгливый тон. – Меделина, не стоит полагаться на него, – сказала она, немного разозлившись. – Да, он хороший парень, но он молодой и неопытный. Нам стоит поговорить насчёт него с тобой.

Лицо миссис Флорес покраснело. Она повернулась к мужу.

– Патрик, насчёт финансов не переживай. Уверена, что это всё окупится. Меделина станет популярной певицей и поможет нам. – Пробормотала миссис Флорес, недоговаривая о своих семейных финансовых проблемах.

– Нет, – безоговорочно сказал отец Меделины.

Разговор о новой поездке Меделины закончился на том, что родители стали сильно ссориться и ругаться между со-

бой. Меделина ушла в комнату, хлопнув за собой дверь. Закрыв уши от криков, она стала сильно рыдать из-за очередной ссоры своих родителей по поводу неё. Девушка была слишком ранима к крикам и ссорам и всегда пряталась, чтобы успокоиться и не показывать свои рыдания.

Вера матери об успехе дочери и её настырность заставили задуматься Меделину о Нью-Йорке, о котором мама упоминала на прошлой неделе за столом с Ником. Юная певица понимала, что кроме музыки, ей нечем больше заниматься в этой жизни, поэтому выхода у неё больше не было.

Ник был занят. Он был на кастинге.

«Скорее всего, он забудет обо мне после того, как станет участником знаменитой группы», – так раздумывала Меделина. Однако вдруг громко, не прекращая, громко зазвенел телефон. Он дребезжал так долго и пронзительно, что родители перестали сразу же ссориться, а Меделина решилась поднять трубку.

– Алло? – тон Меделины был одновременно грустным и жёстким.

– Мэд, это Ник.

Грустное и беспокойное лицо Меделины мгновенно сменилось на спокойное и радостное. Снова стало учащённо биться сердце... Она растерялась, как и обычно, при разговоре с Ником, словно сама не своя.

– Хотел поделиться с тобой новостью! – почти вскрикнул Ник, словно забыв о том грустном вечере, когда он случайно

признался ей в любви. – Я прошёл в финал! – безмятежно и максимально сдержанно крикнул радостный парень.

– Ник! – дрожащим голосом выкрикнула Меделина. – Да ладно! Не может быть! Ты это всё-таки сделал! Поздравляю! – Искренне обрадовалась юная девушка.

С неподдельным удовольствием рассказав Меделине о том, как прошёл его счастливый день, который решил его дальнейшую судьбу, он продолжил:

– Я пытался дозвониться на мобильный, но вызов всё время перенаправлялся в голосовую почту. В общем, если ты не занята...

– Нет, что ты! – быстро пролепетала Меделина с энтузиазмом.

– Вот и хорошо, а то я хочу пригласить тебя на прогулку по парку.

– Прямо сейчас?

– Ага.

Меделина быстро надела, как и обычно, широкие разноцветные штаны и большую длинную футболку, полностью скрывающую её стройную фигуру. Она вышла на улицу, а у дороги уже стояла машина Ника, поджидающая девушку.

Запах Ника был настолько приятным и завораживающим, что Меделина никогда не хотела бы от него далеко уходить, а только крепко прижиматься. Сидя ещё в машине, Ник замечал постоянные долгие взгляды Меделины в его сторону. Пожалуй, он чувствовал её равнодушие к себе ещё

до звонка, что осмелился ей всё-таки позвонить и постараться второй раз признаться ей в любви. Они проехали пару миль и оказались в центре района Хайлэнд парка, где шумно гуляли молодые пары, подростки, ждущие вечерние приключения, дети, играющие в песочницы.

– Ты проголодалась? – поинтересовался Ник.

– Да. Мы с родителями собирались завтракать...

– А они опять поссорились? – уныло спросил Ник, ожидая от родителей Меделины такое не раз.

– Но снова померились.

– Да, конечно... У тебя родители добрые и очень хорошие.

Если ругаются, то всегда мирятся.

– Мхм, – робко кивнула девушка.

– Ну, как ты себя чувствуешь? – заботливо спросил Ник.

– Знаешь, если честно, то я чувствую себя ужасно. Я поняла, что, когда мне становится очень больно – я теряю силы из-за того, что пытаюсь бороться психологически. Чтобы не потерять свои силы, я решила что-то изменить в себе.

– Мэд, твоя игра не окончена, – не дослушал её Ник. – Не надо в себе ничего изменять. Я уверен, ты станешь самой популярной певицей. Так что ты не должна сдаваться. Мы можем снять ролики. Тем более, когда я стану участником группы, возможно, стану популярным. Я буду записывать с тобой песни. Мы будем хорошим дуэтом. Помнишь, я обещал, что мы должны вместе написать музыкальный альбом через месяц?

– Ник, ты меня не дослушал! Я хотела сказать, что моя мама намекнула поехать в Нью-Йорк. Помнишь, она говорила это за столом, когда ты у нас был дома?

– Ах да, вспомнил, – глаза Ника потускнели, а голос стал тише. – И что ты думаешь? Уехать? Мэд, я не думаю, что тебе стоит...

– Нет, я не поеду, – перебила Меделина, вглядываясь в глубокие карие глаза Ника, в которых тонула с каждым разом, когда их взгляды пересекались. – Я боюсь, что мы больше с тобой не увидимся.

– Глупышка! – обрадовался Ник, лицо которого резко изменилось и стало сиять. – Да, брось ты! – улыбнулся он. – Если бы даже ты улетела туда – я бы поехал к тебе сразу же, как только ты прошла бы крутые нью-йоркские кастинги. Мы в любом случае вместе пели бы дуэт уже на концертах и турах.

– Мой отец не хочет к тому же меня отпускать. Он беспокоится о моей безопасности. Я ведь никогда так далеко не уезжала от родителей.

– Даже если ты не уедешь, везде нужно искать плюсы, – Ник сказал так, словно был готов поменять тему на другую. – Мы не будем расставаться... Мэд, может, пойдём в ресторан? – с блеском в глазах спросил он.

– Давай.

– Отлично!

Ник завёл Меделину в лучший и популярный ресторан

Хайлэнд парка. «Интересно, откуда у Ника деньги на дорогой ресторан», – задумалась Меделина. Это красивое место пахло чесноком, вкуснейшим маслом, от которого текли слюни, и сладким вином – самой восхитительной, аппетитной и гремучей смесью ароматов.

Ник держался уверенно. Его обычная спокойная манера и прямой высокий стан лишь подчёркивали сильное волнение Меделины, которая надеялась, что он ничего не заметит. Заметив, как другие девушки в ресторане глазели на высокого, стройного, горячего брюнета, Ника, она почувствовала странные и страшные для неё эмоции: ей было противно от того, что девушки смотрели на него пристальным и соблазнительным взглядом, хоть и возле Ника была Меделина.

«Как они смеют?», – спрашивала она про себя. «Неужели я его уже ревную?! Какой ужас!», – она сильно зажала губы и непрерывно хлопала глазами, удивляясь собой.

В то же время Меделина не могла остановиться любоваться его опасно-красивыми глазами, тёмно-волнистыми волосами и дурманящим мужским взглядом.

Они заказали еду. Официант через полчаса принёс филе-миньон из вагю, красные блины с икрой, брускетты с крабовым салатом и розовой сальсой, один блюфин на гриле, два коктейля с названием *Французский поцелуй* розового оттенка и свежеиспечённые булочки. Они болтали без остановки под мерцающий свет вкусно пахнущих свечей. Романтичная обстановка накалилась с того момента, когда Ник достал

из кармана длинный красный чехол-шкатулку.

У неё задрожало сердце...

– Мэд, позволь спросить у тебя один вопрос? – интригуяще спросил он перед тем, как открыть чехол-шкатулку.

– Давно хотел спросить этот вопрос, но не всегда его вспоминал спросить, когда я был с тобой, но сейчас это нужда. Знаю, что тебе нравится та колба с чёрной розой. Почему именно чёрные розы, а не красные или белые? Или не нарциссы или орхидеи?

Меделина мило улыбнулась так, что её щёки покраснели как помидор. Прижав передними зубами нижнюю губу, она немного задумалась, словно копаясь в памяти.

– Я буду максимально кратка, как только это возможно, – начала рассказывать она. – Когда я была совсем маленькой, мой отец всегда рассказывал разные истории, особенно перед сном. Я обожала слушать его рассказы. Они были воодушевляющими, интересными, загадочными и всегда были пронизаны восхищением стойкости духа человека и его силой воли. К тому же мой отец был как компас в детстве. Всё, что нравилось ему – я повторяла, потому что он был моим идеалом. Я спрашивала его любимые цифры, цветы, света – и всегда спрашивала почему. Ему приходилось объяснять это долгими рассказами и историями. Как-то он мне рассказывал про ирландские войны во время боевых действий, и, что они при помощи чёрной розы показывали, что сила их армии несокрушима. И это стало моим символом. Я стала

сама себе воином, любящего чёрную розу как олицетворение непобедимости. Тогда я всегда говорила, что буду бороться за своё место в жизни, свою жизнь, своих родителей и свою мечту, которая долго будет жить в моём сердце...

– Не ожидал, что у твоей симпатии к цветку есть интересная предыстория. Мэд, ты как загадка для меня. Чем больше узнаю о тебе, тем мне становится ещё интереснее.

Меделина не перестала розоветь, словно её постоянно ударяла молния. Ник открыл чехол-шкатулку, в которой была золотая цепочка с брошкой в виде маленькой чёрной розы, сделанная под заказ... Он продолжил:

– Мэд, я хочу, чтобы ты знала, что я всегда с тобой – не важно, где ты находишься физически. Носи эту цепочку, чтобы помнить о нас.

Ник трепетно прикоснулся, собрав аккуратно её волосы и зацепив цепочку вокруг шеи Меделины.

– Я безумно люблю тебя, Мэд.

– Я тебя тоже... – вздрогнув так сильно, что её голос неловко казался либо хриплым, либо дрожащим. Она потёрла брошку с маленькой чёрной розой, не прекращая нервно теревить её. *Её переполняла буря жарких эмоций, которые вряд ли когда-нибудь забудутся.*

В воздухе витала явная и мощная напряжённость. Если бы её можно было перенаправить в лампочку, стекло тотчас лопнуло бы вдребезги...

Они взялись руками так крепко, что, казалось, сердце

у Меделины вот-вот выпрыгнет из груди. Наслаждение, почти неотличимое от сильной боли, которая мгновенно прекратилась. Расплатившись со счётом, Ник и Меделина, сели в машину, проехали по городу, остановившись в парке, где Ник впервые нежно обнял её сзади. Она упала в его объятия. Он целовал её с неистовой страстью. Меделина чувствовала жар огня и тяжёлое дыхание Ника на коже, понимая, что на данный момент ей больше ничего не нужно, кроме его нежных объятий. День уже так быстро кончался, что Ник и Меделина не заметили, что начало темнеть. Он подвёз девушку домой, родители которой стали искать её у соседей.

– Детка, почему ты нас не предупредила, что придёшь так поздно? – встревоженно спросила миссис Флорес в ночной сорочке, которая, уже собиралась спать, но никак не могла найти дома свою дочь, которая упрямо не отвечала на телефонные звонки. – Ты ведь знаешь насколько у нас опасный район!

– Я забыла, – пытаюсь отойти от поцелуев и объятий с Ником и скрывая свои горячие эмоции, буркнула Меделина.

– Больше так не делай! – беспокойно почти крикнула мама. – Мы везде тебя ищем. Думали с тобой что-то случилось!

– Mam, я уже большая, – возразила девушка.

– Большие девочки тоже должны быть хорошими. Твой папа – вон уже хотел полицию вызвать.

Мама Меделины присела, взяв руками её за локти и уставши кивая.

– Детка, ты не знаешь, чего мне стоило уговорить твоего отца согласиться на твою поездку в Нью-Йорк.

– Папа разрешил? – изумившись, спросила Меделина.

– Представь себе, – ответила мама с уставшими и слипающимися глазами.

– Я рада, – грустно подметила дочь.

– Ты чего такая грустная? – удивилась мать. – Ты ведь едешь за мечтой! – с улыбкой сказала мать, обнимая её.

– Детка, милая, будь осторожна: в Нью-Йорке много воров и преступников, – добавил отец, обнимая дочь и жену. – Мы купили тебе билеты на пятое октября, так как узнали, что дата кастингов будет уже совсем скоро.

– Наверное, я там буду надолго, – подумала дочь. – А где вы взяли деньги?

– Не беспокойся, детка, семья Ника одолжила нам денег. Они тоже у нас в долгу.

– Я ведь не говорила, что я хочу поехать, – возразила Меделина.

– Детка, Ник вскружил тебе голову, – настороженно сказала мать. – Тебе нужно на время от него отлучиться. И вообще, тебе стоит поискать новых других друзей, а то общаешься только с одним Ником.

– Мам, причём тут Ник? С чего ты взяла, что он вскружил мне голову? Я сама знаю с кем мне дружить. – Сердито проворчала Меделина и заперлась у себя в комнате.

Она достала из-под кровати свой красный ежедневник,

который принялась заполнять новыми впечатлениями.

Третье октября 1996 год.

Этот день я никогда не забуду. Третьего октября был первый поцелуй с Ником. Он был страстный, чувственный, незабываемым мгновением в моей жизни... Золотая цепочка с брошкой замочка – символ его трепетной любви. Лучший вечер в моей жизни. Я бы хотела подарить ему самые острые ощущения: съездить с ним на море, прокатиться на гидроциклах, упасть с парашюта, полетать на парашуте. Да, что угодно! Я бы назвала себя самой счастливой девушкой, которой ничего кроме любви любимого человека и не нужно....

На мгновенье она совсем забыла про тупую глубокую боль, возникшая из-за отказа на кастинге, который решил её судьбу.

Наутро Меделина собиралась пойти в универмаг за продуктами, чтобы заодно прогуляться в городе. Вдруг она увидела Ника – он вышел на бульвар Сансет в районе Беверли Хиллз у роскошного отеля, расположенного на очень красивой территории с шестью небольшими колоннами у входа. Ник был не один... Но только через пару секунд, когда движение на дороге поредело, Меделина разглядела, с кем именно. С привлекательной молодой блондинкой лет двадцати трёх, почти такой же высокой, как он сам. Ник обнял её неж-

но, также как он обнимал Меделину. Казалось, эта близость длилась долгую вечность... Она стояла рядом и подслушивала обрывки их разговора.

– Вот ключ от квартиры.

Высокая блондинка протянула ключ Нику. Он сразу сунул его в карман и подмигнул.

У Меделины похолодело внутри...

– Увидимся вечером? – спросил он у девушки.

– Разумеется. Кстати, здесь очень красивый вид. Может, сфоткаемся?

– Давай!

Ник обнял девушку за талию, пока она протягивала мобильный телефон перед собой, чтобы сделать снимок.

«Они так счастливы вместе!» – подумала Меделина, и удивилась: «Зачем Ник общается с невысокой семнадцатилетней девчонкой, если у него есть такая роскошная блондинка?»

Они мило хихикали и продолжали ещё о чём-то говорить, но гул проезжающего грузовика заглушил их голоса.

Меделина стояла на тротуаре, болезненно воспринимая увиденную сцену. В голосе Ника звучала страсть, когда он говорил с девушкой. Меделина подумала о том, что их связывало с Ником, его признании ей вчера и обмане...

Она размышляла про себя: «Если мужчина, вступив в брак, может при этом любить другую, то что мешает Нику встречаться ещё с кем-нибудь, кроме меня. Возможно,

Ник использует меня из эгоистичных целей ради того, чтобы со мной выступать и репетировать. Или он меня жалеет? Хотя, возможно, он мне хотел вчера отомстить за моё молчание, когда он признался мне в любви во время дождя после кастинга. Всё может быть...»

Она знала разные романтические и грустные истории, но то, что она увидела своими глазами, ей это точно не понравилось. Меделина ненавидя себя за то, что позволила себе влюбиться в Ника возмущалась: «Неужели нельзя любить одного человека? Держать слово или просто сказать правду? Зачем дарить такой дорогуший подарок одной, встречаясь с другой? Ник мог бы добиться любой красивой девушки, но до сегодняшнего рокового дня я верила, что кроме меня, никто ему не нужен. *Какая же я наивная дура!*»

На этот момент Меделина действовала решительно и думала, что знает, как поступить правильно. Она не хотела, чтобы её заметила эта «счастливая парочка», и поэтому не заметно скрылась, быстро убегая домой, забыв дойти до универмага за продуктами.

«Вот тебе и прогулка за продуктами!», – с криками внутри Меделина ругала себя. Прибежав домой, она крепко обняла свою маму, пока на её глазах наворачивались слёзы.

– Мам, я так тебя люблю. Ты была права. Прости. Я хочу поехать в Нью-Йорк. Надеюсь, хоть на этот раз получится. – Выдохнула Меделина с надеждой на успех, вытираю слезу, чтобы её мать не заметила.

– Мы будем за тебя молиться, доченька, – мама поцеловала нежно в лоб своей дочери.

– Мам, пап, спасибо вам за поддержку. Спасибо... – почти заплакав, произнесла тихо Меделина, обнимая отца, который подошёл к обеим.

– Мы сделаем всё, чтобы ты была счастлива, детка, – прошептала миссис Флорес. – Почему ты плачешь? Что случилось?

– Ничего. Всё хорошо. Я просто подумала, что эта лучшая возможность, которую вы мне предлагаете, а я от неё отказываюсь.

Нервный тик Меделины начался внезапно во время объятий с родителями, которые делали вид, что не заметили. Однако сердце мамы изливалось кровью, видя, как дочь мучается этими паническими внезапными тиками.

Родители Меделины помогали ей паковать вещи для поездки. К вечеру они уложили дочь спать, но та долго не могла ещё заснуть. Она снова достала из-под кровати свой красный ежедневник, который принялась заполнять новыми, но грустными впечатлениями.

Четвёртое октября 1996 год.

Во мне бушует одновременно злость, обида, грусть и безрассудная любовь. Я будто разбита вдребезги... Это всё из-за моей болезни, неудачи на кастинге, моей бывлой преданной дружбе и сентиментальной любви к Нику.

Я начала сомневаться в своём таланте, своих способностях, моей любви к Нику. Неужели все мои годы, потраченные на музыку, ушли впустую? Неужели я ничего не стою? Неужели Ник проводил время со мной только ради музыки? А я повелась...

Я хочу приносить людям пользу: вдохновлять их, чувствовать все самые сокровенные и трепетные эмоции, которые музыка может им передать, научить их мечтать, любить, поддерживать, что они не одиноки... Моя поездка в Нью-Йорк будет для меня решающей. Если я не пройду кастинги, то единственное, что остаётся для меня, – записывать видео на Ютубе, выступать на маленьких залах, парках и площадях, и мечтать, чтобы бы меня заметили.

А ещё маме удалось уговорить отца отпустить меня в Нью-Йорк. Я им так благодарна за их поддержку и за веру в меня, что хочу их обрадовать любой хорошей новостью. А Ник – предатель. Хочу поскорее его забыть и никогда не вспоминать. Уехать с этого города, добиться успеха и показать, что я чего-то стою, кроме его жалости. Больше никогда не позволю собой пользоваться и быть обманутой. И я докажу этой блондинке, что я лучше неё.

Приклеив наклейки с бабочками и звёздочками на углах бумажных страниц, Меделина закрыла дневник, спрятав его под кровать, – и сразу же она откинулась на кровать.

В день отъезда Меделины Ник позвонил на городской телефон. Трубку сняла миссис Флорес, но дочь шептала маме, чтобы та сказала, что Меделина ещё спит.

– Ник, когда у вас будет теперь концерт в группе? – любопытствовала миссис Флорес по телефону. – Слышала от Меделины, что ты прошёл в финал.

– Финал будет через неделю, – сказал Ник. – Нас ведь теперь десять человек, а останутся только пять. Миссис Флорес приходите на концерт. Я бы очень хотел, чтобы ещё Мэд пришла с вами.

– Я приду с Патриком обязательно, – немногословно ответила миссис Флорес, сжимая губы.

– Когда Мэд проснётся, передайте ей, хотя ладно, я перезвоню попозже, – в голосе у Ника звучала тревожность. – До свидания, миссис Флорес.

– До встречи.

– Мам, не говорите Нику, что я уехала, – быстро и тихо пробормотала Меделина.

– Возможно, мы и не скажем ему, но его родители могут ему сказать, что ты уезжаешь, ведь они помогли нам с деньгами. Хотя... мы не упомянули им, что мы просили деньги ради твоей поездки. А что случилось? Почему вы не разговариваете?

– Ничего такого страшного не случилось, – сказала она с абсолютным безразличием на лице, которое обозначало

для мамы, что Меделина не хочет это обсуждать. – Просто не в настроении с ним разговаривать.

Она смотрела на маму печальными глазами, при этом стараясь изо всех сил скрыть то, что с ней происходило вчера. Однако миссис Флорес заметила грусть и странное безразличие дочери к Нику и понимала что-то произошло между ними нехорошее. Она сохранила самообладание, глубоко и тяжело вздохнув, чтобы воздержаться от дальнейших вопросов к дочери. Меделина нежно поцеловала свою маму, которая улыбнулась нежной улыбкой, отчётливо показывающая глубокие морщины вокруг глаз.

– Ну вот и всё, – сказал мистер Флорес.

Меделина стояла, прислонившись к косяку входной двери. Она блуждала взглядом по комнате, словно пыталась запомнить во всех подробностях родительский дом, который купили родители до того, как она родилась. Вид жилища запомнился – рафинированная арка у входа, старинная каминная полка, искусные стены кирпично-красного цвета.

Глаза миссис Флорес и Меделины встретились. В глазах у мамы появилось сомнение из-за плохого предчувствия... Казалось, вот-вот и мама скажет: «Может, не надо. Лучше останься здесь». Дочь быстро опустила взгляд вниз, который упал на рулончик скотча. Она машинально отмотала полоску и поспешно наклеила на чемодан, пока мама не передумала со своим решением.

– *Вот теперь всё,* – сказала Меделина, положив обе руки

на бёдра.

Мама настороженно посмотрела на Меделину, и их взгляды снова встретились. Её материнский взгляд говорил, что она будет всегда любить Меделину, заботиться и непременно думать о ней, когда она будет в Нью-Йорке. Она не удержавшись, обняла свою дочь.

– Ну всё пойдёмте, – наконец-то промолвила мисс Флорес, неохотно опуская маму с объятий.

По приезду в аэропорт они долго разговаривали так, как будто не наговорились до этого. Мистер Флорес заботливо предупреждал об опасностях в Нью-Йорке, особенно ночью, и рассказывал страшные истории о краже, убийстве подростков, которые слышал в новостях и от своих знакомых.

– Ну, Патрик! – чуть ли не вскрикнула миссис Флорес. – Не надо пугать Меделину. Всё будет хорошо. Ладно, всё, доченька, пока мы с тобой тут разговаривали, уже столько времени прошло! Иди уже, а то опоздаешь на самолёт! – Мама поторопила Меделину, посмотрев на часы.

Папа поцеловал в лоб своей дочери, пожелал удачи, по-отцовски обнял её крепко, словно прощаясь в последний раз. Мама слюняво поцеловала в побледневшие щёки Меделины, которая сразу вытерла следы от поцелуев. Миссис Флорес нерешительно отпустила свою дочь идти. Меделина помахала рукой, которой отправила тёплые воздушные поцелуи.

Пока она шла быстрым шагом к стойке регистрации,

миссис Флорес мгновенно и совершенно случайно заметила юную обворожительную девушку лет семнадцати, очень похожую лицом на Меделину. Незнакомка, жутко похожая на её дочь, заходила в аэропорт с другой юной девушкой её возраста, видимо, её подругой. Они так энергично и активно что-то обсуждали, что не заметили, как женщина лет пятидесяти уставилась наблюдать за ними, вошедшими красивыми девушками на каблуках, одна из которых была похожа точь-в-точь в её дочь.

Роскошная незнакомка была с тонкими почти белыми волосами серого оттенка, которые были собраны в аккуратный пучок с красной толстой резинкой. У неё было овальное, слегка продолговатое лицо с белоснежной чисто ухоженной кожей. По лицу было видно, что девушка пользуется яркой косметикой в отличие от Меделины: красная помада, длинные наращенные ресницы, тени, розовая румяна на щеках. Все черты лица напоминали Меделину: прямой небольшой нос, пухлые губы, выраженный лоб и подбородок, большие выразительные грустные глаза светло-голубого цвета, томный взгляд. Она была одета в красное платье в стиле «беби долл» из лёгкой ткани, отделанная рюшами, кружевом и сияющими стразами. Её красный маникюр, золотые большие часы и чёрные туфли на высоком каблуке от брендированной компании с её чёрной сумочкой крутого, популярного на весь мир, бренда ещё сильнее подчёркивали стиль милой девушки, любящий красный цвет и дорогие брендовые вещи.

Сразу заметно, что эта девушка – настоящий шопоголик, который походит на человеческую куклу Барби. В руках у неё была ручная кладь – миниатюрный чемодан сиреневого цвета.

Миссис Флорес будто любовалась своей собственной дочерью, если бы она была одета, как эта роскошная незнакомка на каблуках, ведь Меделина никогда ещё не носила каблуки и пренебрегала даже одевать платье. На минуту миссис Флорес задумалась, любуясь стилем этой загадочной девушки, сильно напоминающей её дочь.

– Смотри, Патрик, та девушка в красном платье, похожа на Меделину! – чуть не вскрикнула Мэгги, толкнув его рукой за локоть.

Но таинственный двойник Меделины уже растворился в толпе среди людей, проходивших регистрацию.

Миссис Флорес принялась писать сообщение Меделине о некой незнакомке, сильно похожей на неё: «Девушка в красном платье на каблуках с красным пучком на голове – очень похожа на тебя. У неё с собой сиреневый чемодан. Она точно твоя копия! Рядом с ней ещё какая-то девушка, но не успела её разглядеть».

Меделина, немедленно получив сообщение от мамы, принялась искать эту незнакомку в толпе, но время посадки уже началось. Первые вошедшие в самолёт были пассажиры бизнес класса. Один из таких пассажиров была стройная девушка в красном платье на каблуках с сиреневым чемоданом.

Она уже заходила.

– Хм... сиреневый чемодан для такой леди не подходит, – ухмыльнулась Меделина.

Мысль о том, что сказала её мать с дрожью промелькнула в голове у Меделины. Очередь эконом-класса была слишком длинной. Наконец, зайдя в кабину, она отчётливо увидела лицо этой девушки, которая не заметила проходящую мимо Меделину, одетую, как всегда, в широких штанах и свободной белой футболке. Роскошная незнакомка сидела у самого иллюминатора, окружённая разговором непрестанно болтающей подруги, сидящей рядом с ней. Они сидели впереди кабины, а Меделине пришлось идти далеко назад.

Ей стало невероятно жутко увидеть незнакомую ей девушку, точь-в-точь похожую лицом на неё. Внутри Меделины всё перевернулось... Это мгновение ей показалось страшным сном или ужасником-триллером, будто увидеть себя в другом облике и смотреть со стороны.

Одновременно её вздёрнуло от вчерашней сцены Ника с блондинкой. Она вспомнила вчерашнюю красивую ухоженную девушку, от которой ей становилось противно. Переведя еле дыхание, Меделина села поудобнее в своё кресло, одела наушники, пытаясь расслабиться от внезапных всплесков эмоции за последние дни и моменты, от которых её кожа становилась гусиной. Но у неё всё-таки не получалось. Меделина нетерпеливо постукивала пальцами об рукоятку сиденья кабины самолёта, не переставая думать о таинственной

незнакомке, двойнике, и блондинке.

«Откуда взялась эта девушка? Видно, что она из богатой семьи... Почему мы с ней так похожи?», – размышляла Меделина. Она решила познакомиться со своим двойником после прилёта в Нью-Йорк. Музыка из наушников успокоила её любопытный пыл на какое-то время.

Наблюдая за белыми облаками на необъятном небесном пространстве, отяжелели её веки, отдаваясь сонным раздумьям.

«Боль от предательства, отказа или несбывшейся мечты просто невыносимая. Только слабые люди не могут признать свою боль. Каждый по-разному борется с ней: кто-то просто терпит, отвлекая и заглушая боль ежедневной рутинной, кто-то безразмерно пьёт или курит, а кто-то бежит, как я, в другой город в поисках новых приключений... Я бегу от этой большой боли подальше и как можно быстрее, надеясь её поскорее затмить своей маленькой победой», – думала Меделина, откинувшись назад, чтобы вздремнуть на несколько минут.

ГЛАВА 4

Как бы ты быстро ни бежал, боль всегда тебя догоняет...

Холм одного дерева

– Добрый вечер. Уважаемые пассажиры, авиакомпания «Брайт Эйр Лайнс» приветствует вас на борту рейса номер 517. Пожалуйста, проследите за тем, чтобы все предметы ручной клади находились в верхнем отсеке, либо размещены под сиденьем перед вами. Мы также просим, чтобы ваши кресла и столики были в вертикальном положении перед вами во время взлёта. Также необходимо выключить все личные электронные устройства, включая ноутбуки и мобильные телефоны. Во время полёта курение строго запрещено. Пожалуйста, изучите памятку авиабезопасности из кармана спинки сиденья перед вами. Сегодня с вами Эмили Браун. Надеюсь, что полёт доставит вам удовольствие. Прошу вас пристегнуть ремни безопасности. Мы взлетаем через несколько минут.

– Какая воодушевляющая речь – только изредка такое услышишь, – прокомментировал попутчик Мединины, пока та возилась с замком своего ремня.

Он немедленно бросил взгляд на скромную надпись на спинке сиденья напротив него: «Ваш спасательный по-

яс находится под креслом». Внизу была ещё другая надпись со стрелкой вниз мелким шрифтом: «Памятка авиабезопасности». Он достал эту памятку, бегло её изучая, а затем пролистывая журналы, которые лежали в кармане спинки сиденья.

Меделина медленно и наблюдательно окинула взглядом заполненный до отказа салон. Половина пассажиров оказалась шумной компанией болельщиков футбольной команды «Лига львов» Лос-Анджелеса, которая летела победить Нью-Йоркских футболистов команды «Революция». Болельщики оказались сумасшедшими, готовые умереть за своих и разделить победу любимой команды.

Непосредственно справа от Меделины, уткнувшись в броские страницы модных журналов со свадебными платьями, сидела радостная молодая пара, которая, казалось, собиралась на медовый месяц. Позади них в предвкушении предстоящего наслаждения оспаривали достоинства футболистов пятеро знатоков футбола, разливая по бумажным стаканчикам пиво. Вместе с алкогольным запахом пива до Меделины раздался обрывок их разговора: «Что? Роберт Стун? Полная чепуха! Маккензи – вот это, скажу я тебе, тот самый игрок, который должен выиграть. Ставлю на него тысячу баксов!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.